

2 июля 1981

Навстречу Всесоюзному некрасовскому празднику поэзии

Анатолий Тарасов

Повесть

ВСЕГО ОДНО ЛЕТО

Ярославский писатель, исследователь-некрасовед А. Ф. Тарасов закончил работу над новой повестью «Всего одно лето». В основу ее положен приезд Н. А. Некрасова в Карабику в 1870 году, когда он отдал усадьбу брату Федору, поселился во флигеле в качестве гостя, начал работу над декабристскими поэмами.

Повесть печатается с сокращениями.

— Вот мы и дома, — сказал Некрасов, по-моя Зине сойти с тарантаса.

Федор уже сыпал распоряжения прислуге, выбежавшей из большого дома. София Ивановна — худая и бледная, опираясь на перила широкого балкона, в окружении четырех ребятишек-погодков смущенно и радостно улыбалась и махала им рукой.

— Здравствуйте, София Ивановна! Представляю вам моего друга Зину.

— Здравствуйте, здравствуйте, Николай Алексеевич. Здравствуйте, Зина!

— Пойдемте, я покажу вам ваш флигель, — позвал Федор. — Отделали на совесть, все, как ты хотел.

Из небольшой прихожей широкая ясеневая лестница вела на второй этаж. У овального стола стояли диван и два кресла. Второй диван — слева между окнами. На столе и точеных подставках по углам отливали бронзой старинные канделябры.

— Пойдет, пойдет. Мы с Зиной уместимся, а больших гостей я не жду. Работать приехал, — ответил Некрасов.

Окинув взором всю комнату, он повернулся и открыл дверь в гостиную.

— И рояль есть, — радостно воскликнула Зина, устремившись к нему.

— Привезли из Ярославля. Напрокат взял, — доложил Федор.

Некрасов остановился, с удовольствием оглядывая большой светлый зал с белым каминем у левой стены. Два высоких зеркала в простенках между окнами отражали всю комнату — от паркета до потолка. Перед каминем блесло свежей кожей широкое мягкое кресло с откидной полочкой у спинки. Мягкие оттоманки стояли по сторонам каминя.

Зина толкнула балконную дверь, и в комнату пахнуло густым ароматом устоявшегося лета — доцветающих лугов, липового парка, соснового леса.

— Хорошо-то как! — воскликнула она, припав к перилам балкона и устремившись всем существом в парк, дремавший внизу под полуденным солнцем.

Некрасов стоял сзади, с наслаждением вдыхая этот густой аромат и любясь бесконечными даями, уходящими на юг и запад по долине Которосли. И это бесконечное зеленое море лесов с белевшими кое-где островками церквей и серыми отмелями деревушек, и блеснувшая в красивом изгибе река, и легкая, почти девичья фигура Зины, устремившаяся к ним в юном порыве, — все это слилось в его сердце в одно щемящее и радостное чувство родины.

Бегло осмотрев кабинет и спальню, вместе с Федором отправились в большой дом обеда.

Ради гостей стол накрыли на южном балконе, и Зина не переставала восхищаться даями, видимыми отсюда еще лучше.

Чувствуя, с каким нетерпением Зина поглядывает на манящие дорожки парка, Некрасов взял ее под руку и по пандусу повел ее вниз. Федор с удивлением и усмешкой смотрел им вслед. Когда вышли в парк и повернули к пруду, Некрасов опустил руку Зины, и она, как молодой олененок, побежала по извилистой дорожке, потом села на скамейку и стала поджидать идущего следом Некрасова, потом снова снялась с места, добежала до оврага и замороженная замерла на его краю.

Несмотря на жаркое лето, из оврага поднималась приятная прохлада. Вершины вековых лип и ясеней сомкнулись высоко над головой и почти не пропускали солнца. Его лучи, пройдя через листву, придавали всему какой-то таинственный, зеленоватый оттенок. По дну оврага весело журчал ручей. Где-то в верховьях слышался непрерывный шум падающей воды, сливающийся с голосами птиц.

Некрасов тихо подошел сзади и положил руку на плечо Зины.

— Как хорошо! — прошептала она, не отрывая глаз от перекатывавшегося по камням ручья.

Некрасов взял ее за руку и повел по мостику через ручей. Затем поднялись по лестнице и оказались на берегу небольшого пруда, заполненного до краев зеленоватой, но прозрачной водой. Посредине пруда возвышался островок с полуразрушенной беседкой. Справа через плотинку с шумом спадала вода.

Некрасов сел на скамейку и закурил. Притихшая Зина прижалась к нему, и они долго сидели молча...

УЖИНАЛИ опять в большом доме, на этот раз в гостиной. Серебро, хрусталь, обилие блюд, бутылки разных форм и расцветок подчеркивали торжественность встречи. Федор впервые принимал старшего брата уже хозяином усадьбы и желал показать ему свое гостеприимство.

Хотя было еще светло, обычно экономный, он приказал прислуге зажечь свечи. София Ивановна, бросив на него удивленный взгляд, склонилась над своей тарелкой. Вид у нее был совсем утомленным. Чувствовалось, сколько хлопот стоили ей эти приготовления, и Некрасов в душе пожалел ее.

Федор снова завел разговоры о заводе, ремонтах, деньгах и подрядах, стремясь всячески показать брату, как много он сделал за два года после его отъезда. Он один из всей семьи унаследовал от отца его громадный рост. За эти два года фигура его еще раздалась вширь, и вместе с присущей ему и прежде грубоватой манерой вести себя он все больше и больше напоминал отца. А изрядно выпитое вино (от чего он обычно воздерживался) развязало язык, придало разглагольствованиям его оттенок хвастовства, что еще больше сблизило его с родителем.

«Неужели он будет таким же, — с тоской подумал Некрасов о последних затеях брата. — Хорошо, что я развязал себе руки, отдал усадьбу ему и теперь свободен. Не ради же этого жить...»

И как бы в подтверждение его мысли заходящее солнце бросило через застекленную дверь балкона яркий луч, сразу затмивший тусклый свет свечей, отраженный в бутылках и зеркалах.

Некрасов встал и вышел на балкон, Зина последовала за ним.

Разморенная жарким летним днем, природа перед заходом солнца вздохнула с облегчением и готовилась ко сну. Птицы уgomонились. Только где-то в овраге соловей, занятый весь день воспитанием птенцов, теперь, на досуге, вспоминал изредка весеннюю пору любви короткими неуверенными трелями.

Внизу, в конце поляны, еще четко выделялся темной зеленью раскидистый кедр. Местами чуть проглядывали дорожки парка. Слева от ворот красовалась громадная лиственница. Вершина ее блеснула под последними лучами солнца и погасла. По мере удаления от балкона очертания деревьев становились все более смутными, незаметно сливались с лесом, постепенно погружавшимся в темноту. Некрасов долго гляделся в нее. Ни огонька, ни звука.

И вдруг совсем рядом, за его флигелем, раздались протяжные и печальные удары церковного колокола, раз за разом они мерно отсчитывали часы. Им ответила слева церковь Веденья, затем справа — Кузьмо-Демьяна, затем где-то совсем далеко, по долине реки этот звон подхватила другая церковь...

«Еще один печальный день позади», — вещал один колокол.

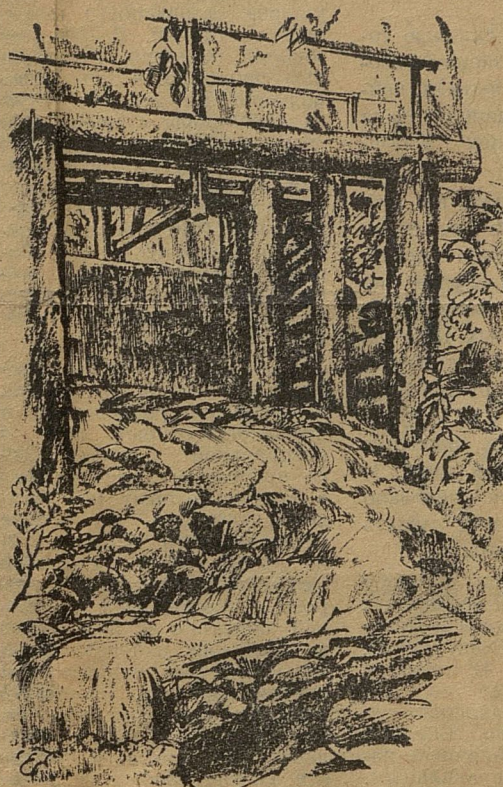
«И у нас не легче...», — отвечал другой...

В гостиную кто-то звякнул посудой. Некрасов спохватился, вернулся в дом, поблагодарил хозяев за прием и, сославшись на усталость с дороги, вместе с Зиной отправился к себе во флигель. И пока шел, этот печальный звон все отдавался в его душе.

ПОСЛЕ ЗАВТРАКА, поданного в столовую, он отправил Зину к Федору, что-

бы тот послал в город за крючками; взял «Записки декабриста» барона Розена и принялся читать. Работал до обеда.

Подали обед, и Зина хозяйничала за столом. Некрасов сидел насупившись. Уткнувшись в тарелку, молча съел суп, отсутствующим взглядом осмотрел стол, машинально прижал из ее рук второе. Зина уяла и не знала, что делать. Кончив обед, Некрасов отправил ее на реку — ловить рыбу — и снова ушел в кабинет. Дочитав Розена, он долго сидел перед чистым листом бумаги — думал о декабристах, пробовал набросать план поэ-

Ручей Гремиха в Карабике.

Рис. А. Лебедева.

мы, но ничего не получалось...

На другой день он снова с утра закрылся — на этот раз в гостиную — сидел в кресле перед камином, ходил по залу... Но нет, поэма решительно не шла.

С досадой вернулся в кабинет и принялся перебирать привезенные с собой бумаги. Из больших лощенных листов, на каких он любил писать, выскользнул и упал на пол конверт. Некрасов поднял его, достал из него фотографию и серый листок, развернул его.

«Дорогой ты мой боярин, Николай Алексеевич, — прочел он корявые буквы. — Стосковалось мое ретивое, что давно не вижу тебя, сокола ясного. Частенько на мыслях ты у меня и как с тобою я похаживал по болотинам вдвоем и все его оченна помню как бы ето вчера было и во сне ты мне часто при-видишься».

Полубуйся-ка на свой подарочек Юрку! Ишь как свернулася у ног моих, сука важне-ющая, стойка мертвая, да уж и берегу я ее пуще глаз своих... А кабы знато да ведано, когда ты будешь на которое число в Карабике или Грешневе, так духом бы мы с Юркой, пробрались бы полями к тебе. Больно ведь мне тебя жалко болезный ты мой, вот так и рвется душенька из груди моей навстречу. А ушь как под селом Юсуповым новое местечко дупелиное подпас я для тебя ушь чудо, настоящая царская охота».

Некрасов взял фотографию, долго смотрел на бородатого мужика, снятого в полный рост, с ружьем, подхваченным левой рукой, ягдташем, набитым дичью, на правом боку, и собакой, свернувшейся у его ног. Затем перевернул фотографию.

«Почтенный боярин, Николай Алексеевич, Господи Некрасов
20 апреля 1869 года. Кострома.

Не побрезгуй на подарочке,
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

От друга-приятеля
Крестьянина деревни Шогы
Гаврилы Яковлева».

Некрасов задумался.

Он получил этот «подарочек» вместе с письмом еще весной прошлого года к пасхе, но тогда ему было не до Костромы, не до Гаврилы, а теперь...

Посмотрев еще раз на фотографию, он махнул рукой:

— Все! Поедем к Гавриле! — и пошел к Федору заказывать на завтра тарантас.

ПОСЛЕ ЗАВТРАКА к крыльцу подкатил тарантас. Некрасов и Зина — в легком дорожном платье — вышли из дома и начали усаживаться. Прислуга принесла и уложила дополнительную одежду, провизию «дней на пять», ружье — «хоть и грешно сейчас обижать птицу, но на всякий случай...»

За воротами возле села их радостно приветствовала вчерашняя рыболовная команда. Зина помахала им рукой, и лошади выкатили на большак.

Переправившись на пароме через Волгу, они по старой костромской дороге, почти заглохшей, потерявшей значение после открытия прямой — по правому берегу реки, не спеша поплыли в Грешнево.

Слева от дороги, на холме, забелела аббакумцевская церковь, Некрасов велел свернуть туда. Пока Силантий привязывал лошадей, они сошли и направились к калитке ограды. Навстречу им вышел согнувшийся старик с опущенной головой и лопатой в руке. За ним старуха вела за руки двух ребятишек — девочку и мальчика. Они всхлипывали и утирали глаза свободной рукой.

За оградой слева от входа, в углу ее, стоял, опершись на лопату и понурившись, мужик лет тридцати. Перед ним желтел свежим песком, перемешанным с кусками глины, холмик земли.

Глянув на него, Некрасов вздрогнул и остановился, затем резко повернулся и пошел направо. Зина следовала за ним. За углом церкви, у самой стены, она увидела обелиск-надгробие из белого мрамора и подошла к нему.

«Елена Андреевна Некрасова. Скончалась 29 июля 1841 года», — прочла она и опустилась на колени.

Еще там, в Петербурге, она не раз слышала об этой женщине, читала его стихи о ней. Ее поразили в них полные душевной боли и любви слова из «Рыцаря на час»:

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

И вот теперь она у этой могилы. Здесь лежит та, о которой он так искренне плакал...

Некрасов долго стоял молча. Затем глухо, с каким-то надрывом заговорил о том, как почти тридцать лет назад, примерно в эту же пору, всего месяцем с небольшим позже, так же, как тот мужик, он стоял на этом месте у свежей могилы. Он был тогда молодым и беспечным. Получив в Петербурге приглашение на свадьбу сестры Елизаветы, он занял у друзей денег, купил подарки и впервые после отъезда в столицу возвращался в родные места. Ехал веселым, на свадьбу, а попал вот сюда, к свежему холмику земли, под которым лежала его мать. Он не застал ее в живых, опоздал всего на три дня. Как убивался он тогда, что не поспешил: он мог бы приехать раньше, и потом всю жизнь укорял себя за это...

(Продолжение следует)